

СТОХАСТИЧНОСТЬ ТЕКСТА: СУЩНОСТЬ, СПОСОБЫ ИССЛЕДОВАНИЯ, ФЕНОМЕНОЛОГИЯ

Е. В. Шелестюк, Е. А. Щетинкина

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Обсуждается базовая категория, лежащая в основе информативности текста — стохастичность. Мы постулируем ведущую роль аналогического моделирования, порождающего новое знание на основе уже известного и обуславливающего стохастичность в тексте, представляющем это знание. Стохастичность знаменует появление непредсказуемых, случайных, новых смыслов, неожиданные повороты мысли (столкновение несочетающихся смыслов), а в лингвистическом плане она проявляется в том, что в тексте наблюдаются необычные употребления и сочетаемость слов. В данной статье дается перечень способов определения стохастичности и обозначается возможность ее автоматизированного исчисления. Также важной частью статьи является обсуждение специфических стилистических приемов, обеспечивающих стохастичность поэтического текста.

Ключевые слова: *аналогическая концептуализация, диафора, негемпликационные словосочетания, метафора, полумеченные структуры, стохастичность.*

Введение

Объектом исследования является текстовая категория стохастичности — непредсказуемости, неожиданности, случайности появления элементов в тексте и возникающий в результате этого эффект новизны, а предметом — реализация этой категории в поэзии. Цель статьи — описать явление стохастичности, в том числе на примере непредсказуемых, необычных тропеических словосочетаний в поэтическом тексте. Указанная цель обуславливает важные задачи: определить явление стохастичности, выявить его лингвистические признаки и способы оценки, рассмотреть компоненты поэтической речи (специфические стилистические приемы), характеризующиеся непредсказуемостью.

1. Аналогическое моделирование и стохастичность

Мысль и речь развиваются на основе прошлых моделей, либо слегка, либо сильно трансформируя предшествующую информацию. С помощью механизма наложения, пересечения или совмещения когнитивных сфер (доменов, фреймов) рождается новое знание, возникает новое понятие или конгломерат первичного и вторичного понятий (ср.: теории ментальных пространств Ж. Фоконье [15]¹, блендинга М. Тернера [20] и т. п.).

¹ Ментальные пространства — это временные структуры знания («концептуальные пакеты информации»), построенные на основе продолжающегося дискурса,

важно, что абстрактное знание, абстрактные понятия и концепции появляются по метафорической аналогии с конкретными понятиями (понятиями о конкретных, данных в ощущениях, объектах и явлениях) на основе конкретных фактуальных моделей (ср.: теория концептуальной метафоры Дж. Лакоффа [17]). В качестве одного из огромной массы примеров концептуальных метафор типа «конкретное > абстрактное» можно взять понятие, обсуждаемое в данной статье, и его употребление, которое демонстрирует аналогию с конкретными предметами: высокая/низкая, большая/маленькая, слабая/сильная вероятность.

Аналогическая концептуализация и концептуальное моделирование есть определение и осмысление когнитивных признаков нового, попавшего в поле зрения объекта или явления реального или воображаемого мира по аналогии с другими объектами или явлениями. Сравнение и различение по аналогии являются центральными когнитивными операциями концептуализации, объекты/явления познаются в сопоставлении, сличении с аналогичными объектами/явлениями. В основе же аналогии и аналогической концептуализации лежат «первотропы»: метафора (включая функциональный

которым свойствен ряд явлений, включая референциальную амбивалентность, альтернативность времени и вида, а также выбор эпистемической нейтральности и эпистемической дистанции (модальности).

перенос¹) и метонимия (включая синекдоху и гипогиперонимию).

На основе прошлых моделей также происходит развитие знаков в языке и в речи (литературе). Начало языковым изменениям в структуре значений слов закладывает необычное употребление, случаи которого повторяются, накапливаются и отбираются в речевом узусе. Формирование новых значений знака происходят по аналогии с первичными значениями при помощи сигнификации и денотации. Сигнификация предполагает постепенные семантические изменения, в результате нее создаются такие эффекты, как конкретизация, генерализация и сдвиг значения *внутри одной и той же понятийной сферы или в смежных понятийных областях*. Денотация предполагает радикальные и одномоментные именованья и изменения изначального значения слова, в результате происходит метафорический, функциональный, метонимический и синекдохальный перенос *с появлением двух разных денотатов и задействованием двух разных понятийных сфер, переход значения из сферы-источника в новую сферу* [13].

В речи, в ходе течения мысли также происходит аналогическое моделирование, которое позволяет получать новые знания об объекте и создавать новую реальность. Это происходит как в ходе логических рассуждений (научный дискурс), так и при сочетании рассуждений и образности, включая переносную образность (публицистический и художественный дискурсы). Развитие мысли и речи, их неожиданные повороты во многом обязаны аналогии и основанным на ней когнитивным процессам. В художественных дискурсах или дискурсах с элементами художественности необычное употребление порождает смыслы и значения, в норме языкового употребления несовместимые, относящиеся к разным семантическим полям. Речь, словесность косвенно влияют и на процессы лексических изменений, обогащая и модифицируя язык (прежде всего словарь), и концептуальные структуры, «ментальный лексикон» человека [2].

Особо отметим материал нашего исследования — поэзию, которую, вслед за И. Р. Гальпериним, многие лингвисты относят к специфическому подстилю художественного (беллетристического) стиля. Поэзия предоставляет человеку способ познания с помощью образно-символического типа мышления, облаченного в вербально-

¹ Например, нога человека — ножка стула, крыло птицы — крыло самолета.

символические и в той или иной степени фактуальные (предметно-логические) формы. В поэзии аналогическое моделирование чаще проявляется в необычных тропах, когнитивные сферы понятий близлежащих слов часто радикально далеки друг от друга.

Рассмотрим специфику моделирования знания в поэзии. Поэты замышляют произведения и вкладывают в них смыслы, исходя из интенций, мотивов, задумок, а также личного опыта, лингвокультурного и экстралингвистического фона. Текст, порожаемый поэтами, во многом отражает эти факторы — по сути своей аналогического характера — и вместе с тем развивается по правилу сигнифициции («игры означающих», порождению новых смыслов знаков в сочетании друг с другом), а также собственным синергичным законам. Кроме смыслов, в замысел поэтического произведения входит и форма. В наибольшей степени обогащают стихотворение и отличают его от других произведений те виды стилистических приемов и изобразительно-выразительных средств, фигур и тропов, которые создают необычность текста. Они помогают поэзии удивлять, поражать воображение своего читателя и слушателя, привлекать их новизной и оказывать эмоциональное воздействие (И. В. Арнольд, Э. МакКормак, А. Н. Мороховский, Ф. Уилрайт и др.)².

Итак, в моделировании нового знания в поэзии наибольшее значение имеет столкновение разных значений и смыслов. Необычность, случайность, непредсказуемость совместной встречаемости тех или иных лексических единиц текста называется *стохастичностью*. Мы выделяем стереотипность/стохастичность текста в качестве текстовой подкатегории, базовой для категорий информативности и информационной плотности. Стереотипность/стохастичность лежит в основе информационной избыточности/недостаточности, а эти критерии, в свою очередь, определяют информативность и информационную плотность.

Стохастические модели коммуникации и создания текста рассматривались в 1960-х гг. и позднее;

² Если говорить о моделировании текста со стороны читателя, то интерпретация произведения, его осмысление, при пересказе — смысловое развитие и рекомбинаторика семантических единиц оригинала со стороны читателя зависят от личного взгляда на окружающий мир, опыта и лингвокультурного и экстралингвистического фона последнего. Множество интерпретаций, нюансов, связанных с индивидуальными апперцепциями, опытом, установками, наблюдаются уже на уровне читателей той же культуры и национальности.

яркими представителями этого направления были Дж. Миллер и Н. Хомский. По их определению, множество элементов текста может быть представлено с помощью распределений вероятностей, причем коммуникативные процессы кодирования, передачи и декодирования заключаются в оперировании априорными и апостериорными вероятностями. Как поясняет А. А. Леонтьев, «каждый пятый элемент (слово) имеет вероятность появления, зависящую от появления четырех предыдущих: Road in the country was insane especialy in dreary rooms where they have some books to buy for studying Greek [6]. Имея вероятностную связь с предшествующими и последующими элементами, каждый элемент этой модели имеет и собственную вероятностную характеристику (то, что мы назвали бы валентностями или типичными коллокациями/коллигациями). Можно также полагать единицей в такой модели не отдельный элемент (например, фонему или слово), а последовательность элементов, а именно цепочку из пяти слов. Моделируется вероятностная характеристика появления такой последовательности.

А. А. Леонтьев подчеркивает, что в чистом виде такая модель не способна обеспечить связную речь, применимы лишь ограниченные стохастические модели. Для объяснения связной речи к стохастической модели привлекаются иные модели: прежде всего модель непосредственных составляющих — грамматических зависимостей и отношений элементов текста как отражений реализации глубоких грамматических структур, а также модель комбинаторики «функциональных классов», или синтагм — словоформ с предлогами, послелогоми и целых семантически неразложимых фраз, приравняемых к одному слову, простейших элементов связной речи, отвечающих единым представлениям [Цит. по: 6].

А. Н. Мороховский, гипотезируя зависимость стохастичности от соотношения предсказуемых и непредсказуемых элементов в тексте, вводит переменную величину — коэффициент стохастичности, которая вычисляется по формуле $G = H : D$, где D — детерминированные, предсказуемые элементы текста, H — непредсказуемые, случайные, а G — коэффициент стохастичности [10]. В письменном тексте четыре бита из пяти являются избыточными, то есть содержат известную информацию, детерминированную системой, и один бит стохастичен, следовательно, $G = H : D = 1 : 4^1$. Коэффициент сто-

хастичности 0,25 — результат длительной эволюции языка, обеспечивающий достаточную информативность и одновременно целостность текста. Если бы количество непредсказуемых элементов стремилось к нулю, то язык стал бы полностью стереотипным, неинформативным, а если бы количество предсказуемых элементов стремилось к нулю, то текст был бы бессмысленным набором слов.

2. Способы исчисления стохастичности текста

Чтобы определить стохастичность текста, целесообразно исходить не из букв (хотя среднее соотношение необходимых и избыточных элементов текста было вычислено на основе смысловых различительных буквенных (или буквенно-вербальных) соотношений, см. выше о битах информации), но из *значимых, полнзначных слов как референциальных, концептуальных элементов текста, оценивая предсказуемость/непредсказуемость каждого последующих за каждым таким словом других четырех полнзначных слов.*

Детерминированные элементы определяются на основе норм и стандартов литературного языка. Обычно семантически избыточными являются традиционные, фольклорные произведения, где широко используются клишированные синтагмы типа «добрый молодец», «красна девица», «ясный сокол» и одна тема для всего произведения; коэффициент стохастичности в них ниже среднего. Тексты с малоизвестной терминологией, множественными иноязычными вкраплениями, поэзия символистского, формалистского и прочих типов являются семантически недостаточными, в них сталкиваются семантически не сочетающиеся в норме слова и синтагмы; в таких текстах коэффициент стохастичности выше среднего. Для определения коэффициента стохастичности текста важно учитывать контекст: микроконтекст реализуется в рамках предложения, макроконтекст — в рамках сверхфразового единства (сложного синтаксического целого), мегаконтекст — в рамках всего текста.

минус два и четыре плюс-минус один. Дж. Миллер [19] придерживается первой цифры, утверждая, что объем оперативной памяти человека — не более 7 ± 2 символа. Но экспериментально подтверждено число пять (4 ± 1), определенное на основе мнемонического исследования Н. Кована и экспериментов, посвященных способности удерживать определенные ментальные образы в памяти, с 1960-х по 2000-е гг. [14]. На наш взгляд, цифра 4 ± 1 слов является оптимальной для определения стохастичности.

¹ Вообще для определения стохастичности предложены две альтернативные формулы: семь плюс-

Итак, стохастичность — это непредсказуемость, случайность, необычность (атипичность) совместной встречаемости элементов текста.

Мы считаем, что категорию стохастичности как базовую подкатегорию информативности можно описывать на основе нескольких критериев: 1) валентность/дистрибуция/коллокации элементов текста (если валентность/дистрибуция/коллокации типичные, нормальные, то стохастичность низкая, если аномальные — высокая)¹; 2) повторяемость элементов, включая полные и синонимические повторы (если повторов много, то стохастичность низкая, и наоборот); 3) представленность тематических полей (чем меньше тематических полей, тем текст должен быть стереотипнее/понятнее, особенно низка стохастичность в тексте, где есть слова только одного тематического поля); 4) повторяющиеся когнитивно-коммуникативные модели (паттерны, фреймы, скрипты); 5) семантическая близость элементов текста.

Остановимся на критерии валентности/дистрибуция/коллокации и его потенциале для определения стохастичности в линейно развертываемых высказываниях. Именно валентность, точнее ее типичность/атипичность, позволяет выявлять, ожидаемым или неожиданным является каждый 3—5-й элемент (слово) высказывания и текста. Стереотипность и каноничность текстов, очевидно, во многом зависят от типичной сочетаемости составляющих его единиц, непредсказуемость и неканоничность — от атипичной сочетаемости.

Для того чтобы понять, как критерий валентности/дистрибуции/сочетаемости влияет на стохастичность, рассмотрим виды валентности. Традиционно ученые выделяют несколько типов валентностей: семантическую, определяемую семантическими признаками линейно связывающихся слов; лексическую, связанную с нормами и узусом сочетаемости слов; грамматическую, включая морфологическую (частеречевая и грамматикокатегориальная сочетаемость) и синтаксическую

¹ Заметим, что современные автоматизированные методы перевода текстов и создания текстов основаны на статистическом методе, при этом речь идет о статистике коллокаций слов (что в нашем случае должно быть эквивалентно статистике их валентностей). Аналогичным статистическим способом можно было бы рассчитывать и стохастичность (необычность), при этом оценивать типичность/необычность либо каждого последующего, либо каждого третьего/пятого (4 ± 1) полнозначного слова, но такой программы пока нет.

(совокупность потенциально возможных синтаксических связей слова). Традиционная лексикология также выделяет лексико-грамматическую валентность — сочетаемость слов, обусловленную общими лексико-грамматическими значениями слов (например, у существительных — конкретные/абстрактные, вещественные/объектные, одушевленные/неодушевленные, антропоморфные/анималистические и другие, у прилагательных — качественные/относительные, у глаголов — стальные/акциональные, предельные/непредельные и т. п.)².

Ряд лингвистов, например Ю. Д. Апресян, лексическую и лексико-грамматическую валентности не рассматривают. Признанными являются такие типы валентностей, как семантическая и грамматическая, причем семантическая валентность понимается достаточно узко: «значения субъекта, объекта, главы, контрагента, содержания, адресата, получателя всегда являются частью значения соответствующего предикатного слова; значения начальной точки, конечной точки, инструмента и средства являются чаще содержанием семантической валентности, чем чисто грамматической зависимости; все остальные значения чаще являются содержанием чисто грамматической зависимости, чем семантической валентности» [1. С. 127]. В трактовке И. А. Мельчука и ряда лингвистов, работающих в рамках концепции «Смысл ↔ Текст», валентности трактуются как набор «лексических функций» лексем, прежде всего предикатов, но также актантов и сирконтантов пропозиций [5].

Заметим, что, на наш взгляд, отвергать лексическую и лексико-грамматическую валентности нерационально, эти категории свидетельствуют о типичных, нормативных коллокациях, отступления от которых представляются аномальными. Лексическая валентность означает, что существуют синонимичные лексеммы, нормально и аномально сочетающиеся с данной лексеммой и отличающимися друг от друга лишь употреблением (иногда также тонкими нюансами значения).

Определение валентностей предполагает построение модели управления, или рамки валент-

² Примеры лексической валентности — *healthy man*, *no healthful food*, *salubrious climate*; грамматической — *to propose or suggest a plan/doing smth.*, *no to offer smth/to do smth.*; семантической — *the boy struck uphill*, *no he the house / the disabled man*; лексико-грамматической — *he rejoices*, *suffers*, *no discovers smth.*, *seems (to be) smth.* [16; 9].

ностей (англ. subcategorization frame)¹, отражающей семантические и синтаксические актанты и способы их морфосинтаксического оформления, то есть какие части речи слово может иметь в качестве зависимых и в каких формах они должны стоять. Выделяются активная и пассивная рамки валентностей, предполагающие относительно открытое множество сочетаний с той или иной лексемой. Первая определяется лексемами и синтаксическими структурами, которыми управляет лексема, вторая же — структурами, в которые лексема входит в качестве управляемого.

В поэзии встречается множество валентностных (коллокационных) аномалий, то есть не соблюдающихся ограничений на заполнение валентностей слов, атипичных дистрибуций, ранее не встречавшихся, ненормативных сочетаний слов. Такого рода аномалии можно было бы выявлять с помощью анализа активной и пассивной рамок валентностей. Производить инвентаризацию валентностей слов и приводить их к автоматизированному виду можно было бы, привлекая к этому корпусы языков, например Национальный корпус русского языка. Однако, к сожалению, инвентаризации словесных валентностей и приведения их к автоматизированному виду целенаправленно до сих пор не делалось. Как отметил в диалоге с авторами этой статьи один высокопоставленный представитель компьютерной лингвистики в России: «Насколько мне известно, автоматизацией поиска и классификации валентностей никто не занимается. Лично я считаю, что на этом пути можно добиться только массовых, а стало быть, научно неинтересных, результатов».

Однако некоторое подобие такой инвентаризации производится, это касается статистического метода, подсчитывающего коллокации и коллигации (то есть грамматические коллокации) слов и используемого в автоматизированном переводе и создании текстов. Перебор вариантов в этом методе основан фактически на учете статистики коллокаций и коллигаций (\approx валентностей) той или иной лексической единицы. Вероятно, статистическим же способом можно рассчитать и стохастичность, оценить типичность/необычность каждого последующего слова (здесь можно было бы учитывать все виды валентностей)

¹ Понятие модели управления было изначально введено в теории «Смысл \leftrightarrow Текст» [5]. Позднее оно получило применение в компьютерной лингвистике.

или каждого пятого слова (здесь учету доступна семантическая валентность).

В том же ключе, но в другой терминологии и несколько другом ракурсе можно исчислить типичную/атипичную дистрибуцию слова. Описан актуальный для нас автоматизированный дистрибутивно-статистический анализ (ДСА), подробное обсуждение дистрибуции и применимости ДСА осуществляется в [8]. Для нас подходит как дистрибутивный вариант ДСА, который опирается на сходство дистрибуций слов (возможных контекстов, в которых они встречаются), так и статистический вариант, связанный с числовыми характеристиками совместной встречаемости слов в контекстах. Отмечается, что число и сила парадигматических связей возрастает в прямой пропорции с возрастанием числа и силы синтагматических связей. При этом «с увеличением интервала текста качественное различие между синтагматическими и парадигматическими связями постепенно стирается» [Там же].

Несмотря на существование определенного инструментария, осуществить автоматизированный анализ нормальности/аномальности дистрибуций/валентностей/коллокаций авторам настоящей статьи пока не представляется возможным — у нас нет в наличии программы для измерения стереотипности/стохастичности ни каждого последующего элемента текста, ни каждого 5-го элемента. А следовательно, измерение стохастичности в микроконтексте в автоматизированном виде остается важной задачей на будущее.

Возможны и другие способы исчисления стохастичности текстов. Актуален обсчет тематических полей, поскольку положительная валентность, то есть сочетаемость слова с семантически или тематически близким словом, в том числе через метафорическое подобие или общее семантическое (тематическое) поле, обнаруживается дистантно, на расстоянии от непосредственно того или иного слова. В плане трудоемкости подсчет тематических полей в тексте менее обременителен, чем вычисление нормальности/аномальности совместной встречаемости каждого 5-го слова текста.

Обсчет тематических полей или тематических рядов для выявления стереотипности/стохастичности текста основывается на гипотезе, что чем больше тематических полей, тем выше стохастичность, и наоборот. Этот критерий, на наш взгляд, особо ценен для выявления стохастичности поэтического текста, поскольку семантическое сходство в поэзии чаще обычного обнаруживается у метафорически

пересекающихся, но дистантно расположенных единиц; оно проявляется в сцеплении (coupling)¹.

Автоматизация такого подсчета достижима (в том числе обсчет тематического сходства каждого 5-го элемента) и представляется достаточно перспективной в определении стохастичности поэзии. Возможно использование метода «Семограф», предназначенного для извлечения разнообразной информации о предметных областях из текстовых, словарных массивов и метаданных².

Из доступных нам методов следует также выделить подсчет повторов знаменательных слов, который даст вполне очевидную оценку частотности их употребления и позволит оценить стохастичность: чем больше повторов этих слов, тем выше стереотипность текста, а чем их меньше — тем выше его стохастичность. Этот показатель можно определять автоматизированно с помощью простых программ определения частотности употребления слов в тексте, например, SEO-анализа.

3. Особенности стохастичности в поэзии.

Речевые явления и стилистические приемы, повышающие стохастичность

В поэзии категория стохастичности имеет своеобразие. Кроме типичного правила 4 ± 1 для каждого нового элемента текста здесь важно учитывать следующую специфику. Во-первых, стохастичность здесь проявляется не только на стыках известного и нового, темы и ремы, но и в пределах одной единицы — речевой единицы (синтагмы) или стилистического приема, где соседствуют семантически и нормативно несопоставимые элементы. Стилистические приемы в поэзии весьма часты, и практически каждый из них несет предсказуемый и непредсказуемый элементы, поэтому стохастичность поэзии обычно высока. Во-вторых, предсказуемые элементы в поэзии обнаруживают сцепления, происходящие по типу ассоциативных рядов, семантически близких слов и образов, отстоящих друг от друга. В-третьих, в поэзии нередки нагромождения стилистических средств и образности в одном вербально-смысловом комплексе, так называемая конвергенция (термин М. Риффатера).

Опишем речевые явления (некоторые из которых рассматриваются как специфические стилистические приемы), совмещающие нормативно не сочетающиеся элементы и влияющие на стохастичность текста, обуславливающие ее.

Довольно распространенным является феномен «полуотмеченных структур» (термин Н. Хомского, сокращенно — ПС) — словосочетаний и фраз, демонстрирующих намеренные или ненамеренные аномалии грамматического и лексико-грамматического типа. ПС обладают семантической градацией от бессмысленных до значимых, такого рода фразы являются яркими, запоминающимися, они играют большую роль в образном обогащении поэтической речи.

Грамматические ПС демонстрируют нарушение грамматических связей между элементами и нередко кажутся бессмысленными, для их понимания читатель вынужден обращаться к фразе не один раз, например: *...and just so long / will being pay the rent of seem / and genius please the talentgang / and water most encourage flame...* (Е. Е. Cummings). Заметим, однако, что такого рода сугубо грамматические ПС встречаются нечасто. Гораздо чаще читатель сталкивается с лексико-грамматическими ПС — такими аномальными сочетаниями слов, которые демонстрируют нарушение лексико-грамматической нормы, когда содержащиеся в высказываниях лексемы друг с другом не сочетаются из-за разницы в семантике и нормативной сочетаемости. В лексико-грамматических ПС мы можем достаточно легко проследить логическую связь между компонентами фразы, их восприятие требует меньше аналитико-синтетических операций и рекурсий, чем восприятие сугубо грамматических ПС. Например: *Твои зубы смелы, в них усмешка ножа, и гудят как имели золотые глаза* (А. Вознесенский); *Gold-coloured fish paint the green gloom* (F. Funaroff); *He is dreadfully married* (A. Ward).

Родовой термин по отношению к полуотмеченной структуре — языковая игра. Он трактуется достаточно разносторонне: как особая форма лингвокреативной деятельности (Т. А. Гридина), реализация творческого потенциала (С. Ж. Нухов), словесная форма комического (В. З. Санников), проявление намеренной аномальности в речи (Ю. Д. Апресян) и т. п. Более развернуто языковая игра определяется как ненормативное использование семантических, прагматических или синтаксических ресурсов языка [5. С. 6]. Среди механизмов языковой игры следует отметить паронимию и паронوماзию, фразеологию и игру слов с ней связанную, словообразование, конверсию, перестановку компонентов и др. Среди функций языковой игры выделяем следующие: 1) намекающую — выражение амбивалентности, намек на скрытый смысл высказывания; 2) attentionальную — стремление к привлечению внимания

¹ Термин С. Левина [18].

² <https://semograph.com>.

и поражению воображения адресата; 3) со стороны писателя — самовыразительную, а также маркировочную, когда необычностью производится «за-рубка», маркирование слова (словосочетания) для заострения собственного внимания на чем-либо; 3) развлекательную — стремление развлечь себя и собеседника/читателя; 4) языкотворческую — обогащение средств выражения мысли.

Когипонимом полуотмеченной структуры является каламбур, основанный на тех же механизмах (параномазия, паронимия, обыгрывание фразеологического оборота, реализация прямых и переносных значений его компонентов). Однако каламбур служит комическим, развлекательным целям, а ПС обладают иным набором функций, среди которых преобладают намекающая, аттенсиональная, маркирующая и языкотворческая. Кроме того, полуотмеченные структуры — это вид языковой игры, который обязательно демонстрирует грамматические аномалии (морфологические, синтаксические): нарушения морфемного оформления частей речи и частеречного употребления, нарушения реализации грамматических категорий, функций и позиций членов предложения. В каламбуре нарушения грамматических норм не носят обязательного характера, не составляют обязательной части его сущности как феномена языка.

Следует также упомянуть такие явления художественного дискурса, способствующие повышенной стохастичности, как диафора и эффект обманутого ожидания. В концепции Ф. Уилрайта, главными видами метафоры являются эпифора (от гр. *epi* «на, над, сверх, при, после, рядом по времени и в пространстве + *pherein* «нести») и диафора (от гр. *dia* «через, между, в разных направлениях» + *pherein* «нести») [12]. Первая предполагает определенное сходство между агентом и референтом, она соответствует тому, что часто называют графетными (стереотипными, конвенциональными) метафорами. Вторая предполагает столкновение семантики референта и агента, причем оба приобретают новый смысл в контексте друг друга. Иначе говоря, диафора сочетает ранее не сочетающиеся элементы, которые приобретают новые свойства и значения. По логике определения диафора должна означать радикальное обогащение поэтической образности. Впрочем, сам Уилрайт приводит в качестве примера диафоры вполне курьезный стихок: *My country 'tis of thee / Sweet land of liberty / Niggledy-piggledy my black hen* [Там же].

Несколько слов о явлении, которое Р. Якобсон назвал «эффектом обманутого ожидания» (*defeated*

expectancy) и полагал основным принципом любого вербального общения, обладающего той или иной прагматической целью [2; 10]. Вслед за Якобсоном, М. Риффатер подчеркивал, что причиной эффекта обманутого ожидания является контраст. Если в контексте возникает элемент, который характеризуется низкой предсказуемостью, то вместе с ним появляется особый стилистический эффект. Эффект обманутого ожидания может проявляться на всех языковых уровнях: морфологическом, фонетическом, синтагматическом, лексическом, сверхфразовом, текстовом; кроме того, он проявляется в межуровневых аспектах: стилистическом (когда при однообразном стилевом фоне появляются слова другого стиля) и логическом [7]. Однако чаще всего эффект обманутого ожидания ассоциируется с риторической фигурой батоса, антикульминации, когда имеется ряд контекстуальных синонимов с нарастающей экспрессивностью, в конце же появляется маловероятный элемент со сниженными экспрессивными и стилистическими коннотациями. Например: *The country gave Patience a widow's pension, as well as a touching inducement to marry again; she died of grief* (A. Coppard); *No comfortable feel in any member; / No shade, no shine, no butterflies, no bees, / No fruits, no flowers, no leaves, no birds. / November!* (Th. Hood).

Наиболее общим, емким, точным по внутренней форме и родовым для прочих упомянутых понятий является понятие «негиппликациональное сочетание». Автором этого термина и исследователем соответствующего понятия является выдающийся лингвист, исследователь лексической семантики М. В. Никитин. Помимо прочего, этот ученый стоял у истоков важного направления лексикологии и стилистики — комбинаторной семантики, изучающей закономерности сочетания смыслов синтагматически связанных лексем. Негиппликациональные сочетания в терминологии Никитина — это отрицательные, невозможные или маловероятные словосочетания, исходя из грамматической, семантической и лексической валентности входящих в них слов.

Ниже приведем классификацию негиппликациональных сочетаний, выведенную на основе модификаций типичной комбинаторики фраз, которые выявил М. В. Никитин. Типы негиппликациональных словосочетаний будем сопровождать примерами, в том числе из [11]:

1. Сочетания, возникшие на основе морфемных и морфологических аномалий — единицы речи, образованные в результате нарушения

морфемной и морфологической валентности, когда словообразовательные средства комбинируются ненормативным и неузвальным образом. Среди них тоже можно выделить два подтипа:

а) связанные с лексико-грамматической и грамматической несочетаемостью значимых и служебных морфем слова: *я лежу, как рассеконое; просебятина; Моё слепейшество глядит на озерко, / где ангел приводился (это — птица, / которой не почетно, а легко, / как ангелу, — без ряби приводиться)* (В. Кальпиди); *У друга твоего глаз цвета «веронезе», / в разрезе он слегка монголовит* (А. Парщиков); *И рушится трава, и птицы исчезают, / и дети голоса, и рушится трава, / и духа серебро торжественно пылает / в тисках несеребра* (В. Кальпиди); *I wonder what Adam and Eve / think of it by this time, / this firegilt steel / alive with goldenness* (M. Moore); *Fat Pierre with the hook gauche-main, / Thomas Larron 'Ear-the-less', / Tybalde and that armouress* (E. Pound);

б) связанные с аномальным, окказиональным словосложением: *Псевдовосьмистишие* (Е. Туренко); *и тьма, лежащая у глаз / на дне твердеющей росой, / обуглится в который раз / двояколюющей слезой* (В. Кальпиди); *lifelong the fishlipped lovers lie, kissing catastrophes* (S. Funaroff).

2. Сочетания, в основе которых лежат грамматические или лексико-грамматические метафоры — нарушения грамматической или лексико-грамматической валентности слов, например: *сладостное ла* (Е. Шварц); *скривилась правильная путь* (Д. Бобышев); *крикнешь несотворенное — тварью / вырастет и обрстет временем, временами* (А. Петрушкин); *Я промотал словарь — / остались: выдох, небо, / земля и в ней огонь / из Бога или хлеба* (А. Петрушкин); *...трепетал Грозный, / примиряя Ламарка с ящерами, / трепетал воздух, / примиряя нас с вакуумом, / Аввакума с Никоном, / валуны, словно клапаны, / трепетали. Как монокино проламывается в стерео* (А. Парщиков); *авось не произнести ни пользы ни эпохи* (Е. Туренко); *Истекут пылинки лет / или — неолит. / Относительно до нет / небо не болит; Чистую правду честно следить по лужам — / было бы с кем... / Якобы, воробей за себя сгодился* (Е. Туренко); *chips of when; a grief ago; little whos; when questioned, says, unenviably, / «I'm very won.» / Shorn of the batting crown, says, «We»; / robbed by a technicality* (M. Moore); *In the flash of gold heels on the hard pavement. / Now see I / That warmth's the very stuff of poesy* (Th. E. Hulme); *that shed snake-skin in the history of politeness / not to be returned*

to again — / that invaluable accident / exonerating Adam (M. Moore).

3. Сочетания, возникшие на основе семантико-синтаксических перестановок, метонимическое или метафоро-метонимическое переподчинение смыслов¹: *О мать революция! Нелегка! / Трехгранная откровенность штыка* (Э. Багрицкий) (< откровенность трехгранного штыка), ... *впадали в длинный воздух коридора* (Б. Ахмадулина); *There rises the hidden laughter / Of children in the foliage* (T. S. Eliot); *The huddled warmth of crowds / Begets and fosters hate* (E. Wylie); ... *the terrible white malice / Of waves high as cliffs* (J. Wain); ... *the bud's tipped rage* (T. Gunn); ... *in the lion's intolerant look* (W. H. Auden).

4. Сочетания, возникшие на основе семантико-синтаксической контракции, метонимические и метафоро-метонимические эллипсисы: а) адъективные: *белый пир* (И. Кашежева) (< веселье, забавы, пир на белом); *Идет-гудет Зеленый Шум, / Зеленый Шум, весенний шум!* (Н. Некрасов); *заланнный старик* (А. Преловский); *соленая работа, честный пот* (В. Коржииков); *белая страда, белый рейс, голубой патруль, зеленая жатва, быстрый лед; His form began its senseless change* (R. Eberhart); *How can those terrified vague fingers push / The feathered glory from her loosening thighs? / And how can body, laid in that white rush / But feel the strange heart beating where it lies?* (W. B. Yeats) (feathered glory < feathered god's glory, white rush < white bird's rush); б) глагольная²: *to blink about for smth, to curse through smth, to limp on, to wince out, to glister forward.*

5. Сочетания, возникшие на основе метафорического совмещения смыслов при наложении логико-семантически несовместимых компонентов: *Я рукопись сдала, когда в сугробах марта / Слабело и текло водою серебро* (Б. Ахмадулина), *Проклюнет снежные скорлупы / Трава* (И. Кашежева), *Покрытая шинелью жухлых трав, / Земля пропахла горем и махрою* (З. Вальшонок), *Я умчался туда, где за горным хребтом / Многогорбый старик-океан, / Разрыдавшись, багровые волны-горбы / Разбивает о лбы валунов* (Н. Рубцов), *И белый пир идет в снегах. / Здесь снег с земли не убирают, / Здесь белизны не убивают* (И. Кашежева); *sour cream wall, my blood stings, winds that knife*

¹О метафтонимии, единстве метафоры и метонимии интегрированного или кумулятивного вида, см. в том числе [4].

²Вид контракции, когда в английском глаголе «спрессовывается» значение действия и способа его исполнения.

us, with fingering stealth; the seeds, assuaged, peep from nested spray; ... Heaven's great lamps do dive / into their west and straight again revive: / But soon as once set / our little light, / Then must we sleep one ever-during night (Th. Campion), wept out the dark load of human love (R. Eberhart), The glacier knocks in the cupboard, / The desert sighs in the bed, / And the crack in the tea-cup opens / A lane to the land of the dead (W. H. Auden).

6. Сочетания, возникшие на основе синтаксико-смыслового переподчинения компонентов при сравнении (чаще всего метафорического): По лицу проносятся очи, / как буксующий мотоцикл (А. Вознесенский), Душа моя, мой звереныш, / Меж городских кулис / Щенком с обрывком веревки / Ты носишься и скулишь! (А. Вознесенский); the moon rattles like a fragment of angry candy; And his answer trickled through my head / Like water through a sieve (L. Carroll); The door still swinging to, and girls revive, / Aeronauts in the utmost altitudes / Of boredom fainting, dive / Into the bright oxygen of my nod (K. Amis); Down the road someone is practising scales, / The notes like little fishes vanish with a wink of tails (L. Mac Neice); What happens to a dream deferred? / Does it dry up / like a raisin in the sun? / Or fester like a soar — / and then run? / Or crust and sugar over — / like a syrupy sweet? / Maybe just sags / like a heavy load? / Or does it explode? (L. Hughes); Your hair / Wept round your face like a willow / Unstirring / Your eyes were dry (A. Alvarez); Their eyes sunk jellied in their holes / Were held up to the sun like begging bowls. / Their hands like rakes with finger-nails of rust / Scratched for a little kindness from the dust (St. Spender); Buba sits a wrinkled monument in Old Ladies Home (A. Ginzberg).

7. Семантико-синтаксические контрарные сочетания типа оксюморонов: Своих страстей свободный раб... / Своих страстей кабальный князь, / В рубаху лезу торопясь... / Слугой своих свобод. / Надежды вольные рабы, / Теперь помчимся кто куда (Дм. Сухарев); бесславный подвиг сотворения тени; беспечно мучилась душа (Б. Ахмадулина); авось не произнести ни пользы ни эпохи / сладка съестная соль ночного снегопада / подумаешь зима дела конечно плохи / но кажется теперь как в точности не надо (Е. Туренко); Pour the unhappiness out / From your too bitter heart, / Which grieving will not sweeten (W. Stevens); Beautiful tyrant! fiend angelical! / Dove-feather'd raven! wolfish-ravens lamb! / Despised substance of divinest show! / Just opposite to what thou justly seem'st; / A damned saint, an honourable villain! (W. Shakespeare. Romeo and

Juliet, act III, scene II); Yesterday's silences are much louder (D. Anderson); Dark, dark my light, and darker my desire (Th. Roethke); Shape without form, shade without color, / Paralysed force, gesture without motion (T. S. Eliot).

8. Семантико-синтаксические контрадикторные сочетания типа зевгм: переворачивает свет, как полынь и очки; ...дожди / в голых прохожих скручены — как часы или мгла; заросли глины и пара; висит, как фонарь и зренья отрез (А. Петрушкин); всё полней и тучнее качается камень, / словно узел, в который связали его, / тянет неба колосья, как плугом из раны, из звезды или пашины — тяжело и легко (А. Петрушкин); Оставишь комментарий и июнь, / оставишь берег, дым и даже почву / и выйдешь в утро, что тебе — июль / и тростников холодный позвончик (А. Петрушкин).

9. Фонетико-, графико- и морфосемантические сочетания типа игры слов, паронимазии, каламбура, одновременной реализации фразеологического и свободного значения словосочетания: ...трепетал воздух, / примиряя нас с вакуумом, / Аввакума с Никоном, / валуны, словно клапаны, / трепетали (А. Парщиков); ...старый Адам — это только двери, это только звери с сосцами огня (А. Петрушкин); The force that through the green fuse drives the flower / Drives my green age; that blasts the roots of trees / Is my destroyer. / And I am dumb to tell the crooked rose / My youth is bent by the same wintry fever. / The force that drives the water through the rocks / Drives my red blood; that dries the mouthing streams / Turns mine to wax. / And I am dumb to mouth unto my veins / How at the mountain spring the same mouth sucks. / The hand that whirls the water in the pool / Stirs the quicksand; that ropes the blowing wind / Hauls my shroud sail. / And I am dumb to tell the hanging man / How of my clay is made the hangman's lime... (D. Thomas).

10. Смешанные: Closed like confessionals, they (ambulances) thread / Loud noons of cities ... (Ph. Larkin).

Заключение

Итак, в данной статье мы дали определение стохастичности, предложили методы ее определения (количественное исчисление стохастичности с использованием автоматизированных методов, которые, надеемся, будут применены или разработаны и применены в недалеком будущем), представили краткую классификацию языковых явлений, влияющих на стереотипность/стохастичность в поэзии (полуотмеченных структур, диафор, эффекта обманутого ожидания, языковой игры и негемпликациональных словосочетаний).

В заключение стоит вспомнить рассуждение Л. В. Щербы о том, что авторы, не отступающие от нормы, скучны, — хотя отступления от нормы должны имплицировать знание этой нормы, быть обусловленными замыслом автора и содержательно-смысловой целостностью произведения [14]. На наш взгляд, это касается далеко не только развлекательной, аттенциональной и самовы-

разительной функций языковой игры. Нередко благодаря стохастичности, неожиданным столкновениям образов и смыслов, комбинаторным аномалиям мы можем проникнуть в глубинную суть описываемого явления, уловить его диалектические смыслы, осуществить смысловой синтез и обнаружить неожиданные связи отраженных в тексте предметов и явлений.

Список литературы

1. Апресян Ю. Д. Лексическая семантика: 2-е изд., испр. и доп. М.: Шк. «Языки рус. культуры»: Вост. лит., 1995. 472 с.
2. Арнольд И. В. Стилистика современного английского языка: учеб. для вузов. М.: Флинта: Наука, 2002. 384 с.
3. Залевская А. А. Введение в психолингвистику. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1990. 204 с.
4. Ковязина Е. Н. Роль комплексных метафорических и метонимических конструкций в вербализации антиномичных политических концептов // Вестник Челябинского государственного университета. 2020. № 7 (441). Филологические науки. Вып. 121. С. 81—90. DOI 10.47475/1994-2796-2020-10711.
5. Кравченко О. В. Явления языкового абсурда в художественных текстах. URL: <http://cheloveknauka.com/yavleniya-yazykovogo-absurda-v-hudozhestvennyh-tekstah> (дата обращения 13.02.2021).
6. Леонтьев А. А. Основы психолингвистики. М.: Смысл, 1997. 287 с.
7. Леонтьева Т. И. Способы создания эффекта обманутого ожидания в литературном произведении. URL: https://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=1&ved=0CB0QFjAA&url=http%3A%2F%2Fportfolio.vvsu.ru%2Ffiles%2F6BC0B58B-98AF-46EB-A7A8-4690A8C22F79.pdf&ei=f2plVandLMnJsQHS3YDgCQ&usq=AFQjCNEhxVt-BFul_9L3r7s8BWtsDpZuEw&sig2=zJJ0pXy7rdODK8LDLMT3VA&bvm=bv.93990622,d.bGg&cad=rjt (дата обращения 14.01.21).
8. Максименко О. И. Внутренняя и внешняя детерминанты текста // Вестник РУДН. Сер.: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2019. Т. 10, № 1. С. 92—100.
9. Мельчук И. А. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл \Leftrightarrow Текст»: семантика, синтаксис. М.: Шк. «Языки рус. культуры», 1999. 345 с. (Язык. Семиотика. Культура.)
10. Мороховский А. Н., Воробьева О. П., Лихошерст Н. И., Тимошенко З. В. Стилистика английского языка. Киев: Вища шк., 1984. 247 с.
11. Никитин М. В. Лексическое значение слова: (Структура и комбинаторика): [учеб. пособие для пед. ин-тов по специальности «Иностр. яз.». М.: Высш. шк., 1983. 127 с.
12. Уилрайт Ф. Метафора и реальность // Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. С. 82—119.
13. Шелестюк Е. В. Семантические процессы и семантические изменения // Язык и культура: материалы регион. науч.-практ. конф. Екатеринбург: Изд-во УГТУ-УПИ, 2001. С. 88—91.
14. Щерба Л. В. Очередные проблемы языковедения // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. 1945. Т. 4, вып. 5. С. 173—186.
15. Cowan N. The magical number 4 in short-term memory: a reconsideration of mental storage capacity // Behavioral and Brain Sciences. 2001. 24 (1). P. 87—185.
16. Fauconnier G. Mappings in Thought and Language. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1997.
17. Ginzburg R. S., Khidekel S. S., Knyazeva G. Y., Sankin A. A. A course in modern English lexicology. Moscow: Vyssaja Skola, 1979.
18. Lakoff G. The invariance hypothesis: is abstract reason based on image-schemas? // Cognitive Linguistics. 1990. № 1—1. P. 39—74.
19. Levin S. Linguistic Structure in Poetry. The Hague: Mouton, 1964. 64 p.
20. Miller G. A. Mathematics and Psychology // Perspectives in Psychology. John Wiley & Sons, INC, 1965. P. 625—627.
21. Turner M., Steen F. Language, gesture, bodily stance: grammar as a multimodal system // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 7 (336). Филология. Искусствоведение. Вып. 89. С. 40—47.

Сведения об авторах

Шелестюк Елена Владимировна — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теоретического и прикладного языкознания Челябинского государственного университета. shelestiuk@yandex.ru

Щетинкина Екатерина Александровна — аспирантка Челябинского государственного университета. ekaterina8422@yandex.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2021. No. 4 (450). *Philology Sciences. Iss. 124. Pp. 173—184.*

TEXT STOCHASTICITY: ESSENCE, METHODS OF RESEARCH, PHENOMENOLOGY

E. V. Shelestuk

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. shelestiuk@yandex.ru

E. A. Shchetinkina

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia ekaterina8422@yandex.ru

The article discusses the basic category underlying the information content of the text — stochasticity. We postulate the leading role of analogous modeling, which generates new knowledge based on already known and determines stochasticity in the text representing this knowledge. Stochasticity is the emergence of unpredictable, random, new meanings, collision of incongruous meanings, in linguistic terms, it manifests itself in the fact that unusual uses and combinations of words are observed in the text. This article describes the methods for determining stochasticity and indicates the possibility of its automated calculation. An important part of this article is devoted to specific stylistic devices that are likely to provide the stochasticity of a poetic text.

Keywords: *analogous conceptualization, diaphora, negative-implicational phrases, metaphor, semi-defined structures, stochasticity.*

References

1. Apresyan Yu. D. (1995) *Leksicheskaya semantika*: 2nd ed. Moscow. 472 p. [in Russ.].
2. Arnol'd I. V. (2002) *Stilistika sovremennogo anglijskogo yazyka: uchebnyk vuzov*. Moscow, Flinta, Nauka. 384 p. [in Russ.].
3. Zalevskaya A. A. (1990) *Vvedenie v psiholingvistiku*. Voronezh. 204 p. [in Russ.].
4. Kovyazina E. N. (2020) *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 7 (441). *Filologicheskie nauki*, iss. 121, pp. 81—90. DOI 10.47475/1994-2796-2020-10711 [in Russ.].
5. Kravchenko O. V. (2010) *Yavleniya yazykovogo absurda v hudozhestvennyh tekstah*. Available at: <http://cheloveknauka.com/yavleniya-yazykovogo-absurda-v-hudozhestvennyh-tekstah>, accessed 13.02.2021 [in Russ.].
6. Leont'ev A. A. (1997) *Osnovy psiholingvistiki*. Moscow, Smysl. 287 p. [in Russ.].
7. Leont'eva T. I. *Sposoby sozdaniya efekta obmanutogo ozhidaniya v literaturnom proizvedenii*. Available at: https://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=1&ved=0CB0QFjAA&url=http%3A%2F%2Fportfolio.vvsu.ru%2Ffiles%2F6BC0B58B-98AF-46EB-A7A8-4690A8C22F79.pdf&ei=f2plVandLMn-JsQHS3YDgCQ&usq=AFQjCNEnxVt-BFul_9L3r7s8BWtsDpZuEw&sig2=zJJ0pXy7rdODK8LDLMT3VA&bv=bv.93990622,d.bGg&cad=rjt, accessed 14. 01. 21 [in Russ.].
8. Maksimenko O. I. (2019) *Vestnik RUDN. Series: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika*, vol. 10, no. 1. P. 92—100 [in Russ.].
9. Mel'chuk I. A. (1999) *Opyt teorii lingvisticheskikh modelej "Smysl <=> Tekst": semantika, sintaksis*. Moscow. 345 p. [in Russ.].
10. Morohovskij A. N., Vorob'eva O. P., Lihosherst N. I., Timoshenko Z. V. (1984) *Stilistika anglijskogo yazyka*. Kiev: Vishcha shkola. 247 p. [in Russ.].
11. Nikitin M. V. (1983) *Leksicheskoe znachenie slova: (Struktura i kombinatorika)*. Moscow. 127 p. [in Russ.].

12. Uilrajt F. (1990) *Teoriya metafori*. Moscow, Progress. Pp. 82—119 [in Russ.].
13. Shelestyuk E. V. (2001) *Yazyk i kul'tura*. Materials of regional scientific-practical conference. Ekaterinburg. Pp. 88—91 [in Russ.].
14. Shcherba L. V. (1945) *Izvestiia AN SSSR. Otdelenie literatury i iazyka*, vol. 4, iss. 5, pp. 173—186 [in Russ.].
15. Cowan N. (2001) *Behavioral and Brain Sciences*, no. 24 (1), pp. 87—185.
16. Fauconnier Gilles (1997) *Mappings in Thought and Language*. Cambridge: Cambridge University Press.
17. Ginzburg R. S., Khidekel S. S., Knyazeva G. Y., Sankin A. A. (1979) *A course in modern English lexicology*. Moscow, Vyssaja Skola.
18. Lakoff George (1990) *Cognitive Linguistics*, no. 1—1, pp. 39—74.
19. Levin S. (1964) *Linguistic Structure in Poetry*. The Hague: Mouton.
20. Miller George A. (1965) *Perspectives in Psychology*. John Wiley & Sons, INC. Pp. 625—627.
21. Turner M., Steen F. (2014) *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 7 (336), pp. 40—47.